Владимир Смирнов

ХРОНИКИ ТРИКСТЕРА

Часть первая

он не стал палачом и вором
он не стал блаженным святым
за плечом его чёрный ворон
его руки всегда пусты
он по самой кромке по краю
без оглядки идёт спеша
даже тень его замирая
отстаёт от него на шаг

он всегда немного с приветом
он дурак он виден насквозь
но в том мире так же как в этом
он такой же незваный гость
он и там ошибка природы
он и там лишь одной ногой
джокер выпавший из колоды
пьяный сталкер вечный изгой

он не с этими и не с теми
трубный зов у него в крови
он ни в матрицу ни в систему
не вписался как ни зови
не герой не царь не хранитель
вечным голодом в ночь гоним
он исчезнет в разрыве нитей
и никто не пойдёт за ним

со своими злыми дарами
он не нужен ни там ни тут
он проходит между мирами
медиатор нелепый шут
двух вселенных острые грани
он сшивает ниткой живой
и граница между мирами
зарастает сорной травой

1

В тесном коммунальном вигваме на северной окраине Города Воды жил Старик. Двадцать лет он не выходил из вигвама, только спал и часами смотрел в магический кристалл, а скво из собеса приносила ему еду и гуманитарный секонд-хенд. Но настал день, когда смотреть в кристалл стало совсем невмоготу, и Старика потянуло к людям.

И задавали ему люди вопросы, и дивились его лютой мудрости. А он дивился им, ибо ни грана мудрости не было ни в их вопросах, ни в его ответах.

Сам себя он в шутку называл Перворожденным; прочие же индейцы называли его Трикстером. Тоже в шутку.

2

Однажды индеец Крапленая Кость спросил Трикстера:

— Сегодня я пойду в Вигвам Дураков, дабы сорвать куш на рулетке. Скажи мне, на какое число надо поставить, чтобы не пожалеть потом?

— На какое ни ставь — все равно пожалеешь! — ответствовал Трикстер.

И отправился Крапленая Кость в Вигвам Дураков, и ставил на тройку, и ставил на семерку, и много еще ставил — но сама судьба была бессильна перед мудростью Трикстера. И понял это индеец, и устыдился, и не посещал боле сей вигвам.

А его скво ходила по товаркам и славила Трикстера на три квартала окрест.

3

И приступил к Трикстеру индеец Лысый Кришнаит, и спросил, пряча глаза:

— О, Трикстер, страшную силу ношу я в себе — великую энергию Кундалини. Ответь же мне, мудрейший, через какую чакру следует выпускать эту космическую Прану?

— Через какую выходит, через ту и выпускай! — заорал Трикстер, выталкивая просителя из вигвама.

Кришнаит же громко выпустил свою Прану и ушел счастливым, смеясь и славя мудрость Трикстера.

4

И приступила к Трикстеру рыдающая скво Целлюлито-Фобия:

— Как мне быть, о мудрейший? Годы идут, и мой мужчина все реже смотрит на меня, и все чаще — на молодых скво в магическом кристалле. Я уж и на диете сидела, и зарядку делала, и вокруг дома по утрам бегала — ничего не помогает! Еще немного — и он окончательно зароет топор любви!

— Побрей пелотку, скво! — прорычал Трикстер и громко захохотал. Ибо гласила древняя мудрость Перворожденных — если не знаешь, что сказать, говори первое, что придет в голову.

Но скво, похоже, ответ понравился. И ее мужчине тоже. Правда Трикстера она не славила. Молчала целыми днями и глупо улыбалась.

И только Трикстер знал ее тайну. А теперь и мы знаем.

5

И прирастала слава Трикстера ежечасно; и узнали о нем даже в Белом Вигваме. Тогда приступил к нему индеец-депутат Аграрный Коммунитарий, вопия и стеная:

— Ответь мне, о мудрый Трикстер, почему так не любит меня мой народ?! Почему так

уничижительно называют меня Членом Совета Племени? Что надо изменить в Белом Вигваме, чтобы я стал Правой Рукой Совета? Или хотя бы Левой Ногой? Ты только намекни, Трикстер, а я уж проголосуну!

— Все может поменяться в Белом Вигваме, — ответствовал Трикстер. — Но кого бы ни назначил Главой наш Большой Лилипут, ты, Коммунитарий, как был Членом, так Членом и останешься!

И ушел депутат, вопия и вырывая власы, ибо беспощадна порой была мудрость Трикстера.

6

И приступили к Трикстеру двое пьяных индейцев-интеллигентов:

— Две вещи в этом мире не перестают нас изумлять: где соберется нас двое, тут же появляется и третий; и как только в разговоре помянем мы Москву и Питер — так тут же всплывает и Бологое!

— Мудрый не удивится, увидев трещину в расколотом. Ибо истинно говорю вам — географическая граница Европы проходит по Уралу, а культурная — через Бологое.

Так сказал Трикстер и стал третьим.

7

Белой ночью вышел Трикстер в инет, но и там ему не суждено было скрыться. И приступила к нему озабоченная скво христианской ориентации, и вопрошала:

— Развей мои сомнения, о мудрейший! Ответь мне, ИНН — он от лукавого? Или откуда надо?

— Откуда Янь, оттуда и ИНН, — уклончиво ответствовал Трикстер.

— Но ведь там число диавольское, 666! — напомнила беспокойная скво.

— Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его 404.

Так говорил Трикстер.

8

Однажды глотнул Трикстер пивка, но не успел проглотить, как приступила к нему скво Автолюбительница:

— Странные вещи творятся в этом мире. Пять лет я ездила на синей шахе и слышала от мужчин только те слова, которых она достойна. А недавно пересела на красную бэху и будто лет на двадцать помолодела. Пылкие джигиты в салон заглядывают, телефончик спрашивают, прогуляться под луной приглашают. И на стоянке, и в пробке, и даже на светофоре пытаются познакомиться. А у меня дни! Я и отворачиваюсь, и головой мотаю, и даже кольцо обручальное им показываю — ничего не понимают, лезут и лезут! Ну как им еще объяснить, что я сегодня не могу?!

— Достаточно просто показать кольцо, — успокоил даму Трикстер, — но только в такие дни его лучше носить на среднем пальце. Так им будет понятнее.

Скво так и сделала, и ушла довольная, на прощание показав Трикстеру кольцо.

9

Трикстер был божественно прост — плоть от плоти и кость от кости своего человечества. В те дни, когда он не геройствовал (а так было почти всегда), ему надо было от жизни совсем немного — выпить, пожрать да присунуть.

Но женщины Трикстера говорили, что все не так просто. Что жизнь Трикстера — высокая философия, а сам он — гедонист. И пиит, и жрец, и на дуде игрец.

10

И приступили к Трикстеру толпы страждущих:

— Яви нам чудо!

Но Трикстер был с бодуна и послал всех страждущих нах. И возроптали они; и говорили меж собой:

— Да бог ли он?

И услышал их Перворожденный, и горько сетовал:

— Род низколобый и жестоковыйный! Не ведомо вам то, что ведомо и самому ужратому из моих собутыльников:

— Я — бог!

Но мне пох!

Так говорил Трикстер.

11

Темной осенней ночью мчался Трикстер на сейшн. В левом ряду, как и положено Трикстеру. Вдруг чья-то тень неслышно промелькнула перед капотом. На второй полосе ее уже ждали.

— Йопт! Какой-то идиот превзошел меня в распиздяйстве! — удивленно взревел Трикстер. И, проследив за полетом тела, добавил:

— Правда, ненадолго.

А через час, в обществе учеников и поклонниц, он принял на грудь и развил тему:

— Истинно говорю вам — превзойти Трикстера совсем нетрудно. Но пока никому не удалось сделать это дважды.

Так говорил Трикстер.

12

И приступил к Трикстеру индеец еврейской национальности:

— Хочу на историческую родину!

— А чем же тебе эта не нравится? — удивился Трикстер.

— Но здесь же ни Херута, ни кибуца…

— Чудак-человек, да где ж еще кибуцца, как ни здесь?! Да тут так кибуцца, что перья летят!

Индеец проникся и решил не возвращаться на историческую родину. А остаться на неисторической.

13

Сошлись как-то книжники в непримиримом споре — каким главным атрибутом явил себя человеку Великий Креатор. И говорили одни, что явил им Креатор свой божественный гнев; другие же отвечали, что явлена им его божественная любовь. И спорили они без устали; и не могли прийти к согласию. И убивали они ради гнева, и прощали ради любви. И убивали ради любви, и прощали ради гнева. И пролили реки крови ради любви и гнева. Когда же пошла кровь на убыль, взглянули они окрест и ужаснулись. И в ужасе

приступили к Трикстеру, дабы разрешил он их давний спор.

— Я не видел всевышнего гнева, — ответствовал Трикстер, — и не чувствовал всевышней любви. Но глядя на мироустройство, я не устаю восхищаться чувством юмора создателя. Ибо оно совершенно.

Так говорил Трикстер.

14

Седьмого дня весеннего месяца апрель вечерял Трикстер с мужиками в пивной. Когда же схлынула первая волна, и стало накатывать бархатными глотками, приступили к нему мужики и вопрошали:

— Вот мы слушаем тебя и ржем, слушаем и ржем — а толку? Научил бы ты нас лучше жизни и истине.

Трикстер долго смеялся. Но потом все же ответил:

— Хотите истины? Есть у меня для вас истина, слушайте:

Учиться у меня можно. Но не нужно.

Таково мое слово.

Но если кто-то не согласен со мной — я буду его учить.

Мужики гордо молчали, постигая сказанное. И лишь Борода ничего не понял. Он хряпнул кружкой о стол и возмущенно рыгнул:

— Это что же получается? Выходит, учеником может стать лишь тот, кто не верит учителю? Но это же полная хуйня!

— Первый! — сказал Трикстер.

— Хуясе! — сказали мужики.

15

И приступил к Трикстеру индеец Супруг, и горько сетовал:

— Нет мира в моем вигваме. Тропа войны слилась с тропой любви, и два топора всегда в моих руках. Я ли в том виноват? Или моя скво? Или проблема в том, что мой сын не похож на меня?

— Умный, наверно, раз на тебя не похож? — предположил Трикстер. — Ибо только дурак может искать проблему в детях.

А проблемы у вас всего две.

Первая — ты не похож на ее отца.

И вторая — она похожа на свою мать.

— Так что же нам делать? — отчаялся Супруг.

— Простите это друг другу. Или добейте уже себя наконец.

Так говорил Трикстер.

16

Наутро же приступил к Трикстеру индеец Супруг, радостно вопия:

— Трикстер, ты не прав!!! Я выкурил трубку мира со своей скво, и у нас нет больше проблем! Я похож на ее отца! А она не похожа на свою мать!

— Свою-ж-мать… — машинально повторил Трикстер. А потом добавил:

— Принеси-ка и мне той травы, которой ты забиваешь трубку мира.

17

И был день, и было пекло. Когда же поутих полуденный жар, собрал Трикстер мужиков в тени старого каштана — ибо подошло время оттяга. Деловито и неспешно расстелили на траве газету, крупно порезали рыбку горячего копчения, разлили в пластиковые стаканы прохладную водку. Молча возлегли. Вздрогнули. Закурили.

Сама собой потекла неторопливая беседа. Внутри потеплело; жизнь налаживалась.

Трикстер лениво огляделся. Неподалеку на скамейке маялся потный Офисный Планктон с бутылкой теплого пива. Сомнений быть не могло — в июльский день пиджак и галстук однозначно указывали на клановую принадлежность. Планктону было жарко и тоскливо.

— Присоединяйся! — махнул ему Трикстер, пожалев несчастного.

Планктон оживился и радостно засеменил на зов.

— Падай! — широким жестом Трикстер указал на свободное место в круге.

— Благодарствую! — пискнул Планктон и аккуратно присел на корточки, предварительно одернув брюки на коленках.

— Бери закусь!

Планктон сглотнул и посмотрел на мужиков. Мужики ели рыбу руками, выплевывая кости и облизывая масляные пальцы.

— Спасибо, я сыт, — пропищал он, пряча глаза.

И в третий раз обратился к нему Трикстер, протягивая стакан:

— Держи!

И в третий раз Планктон вежливо отказался:

— Благодарю, я со своим.

Он допил пиво и несколько минут сидел молча, остро ощущая свою непричастность к этому миру, этому каштану и этим людям. Затем неловко извинился, тяжело вздохнул и поплелся куда-то по своим мутным офисным делам.

— Вот же ж мудак! — возмущенно зашумели мужики.

— Хуй пойми кто, — уточнил Борода.

Все посмотрели на Трикстера, но тот был расслаблен и не склонен к затяжным поучениям.

— Хуй пойми кто, — коротко подтвердил Трикстер. Потом опрокинул очередной стакан и добавил:

— Истинно говорю вам — сеющий дресс-код пожнет капчу!

Так говорил Трикстер.

18

И приступили к Трикстеру ученики, и вопрошали:

— Мы ходим повсюду вместе, и пьем, и дуем одно и то ж. Почему же Борода стал твоим любимым учеником?

И Трикстер ответствовал:

— Вы слушали меня и не слышали, смотрели на меня и не видели. И только Борода понял главное — что Трикстер не стоит зависти. Ибо живет на краю и ходит по краю. Вы же, безумцы, мечтаете превзойти Трикстера. Но нельзя обогнать бегущего по краю, не

сорвавшись за край.

Так говорил Трикстер.

19

И приступил к Трикстеру индеец Неофит, и начал методично выносить мозг, ибо реально высадился на умняк. Трикстер же молча пыхал, думая о своем, пока Неофит не вцепился в его рукав:

— Что мне сделать, чтобы быть услышанным?

Трикстер проводил взглядом рассыпавшуюся пяточку, вздохнул и ответил:

— Насмеши меня.

— Но как?

— Очень просто. Хочешь насмешить Трикстера — поделись с ним своим планом.

Так говорил Трикстер.

20

И возлегли ученики на траву, и расслабились, дабы неспешно постигнуть глубинную суть вещей. И когда эта суть была уже близка, приступил к ним индеец Супруг, весь в печали и тяжком подпитии.

— Налейте мне, мужики, — мрачно выдохнул он. — Нашла-таки моя скво заначку и выскребла все дочиста.

— Да, чистоту они любят, — подтвердил Борода, доставая стакан.

— Еще и базу под это подвела, — обиженно продолжал Супруг. — Я, грит, должна выглядеть презентабельно. А ты, грит, подавляешь мою женственную натуру. Кстати, а что значит презентабельно?

— Презентабельно — это от слова презент, сиречь подарок, — ответствовал Трикстер. — Выглядеть презентабельно значит выглядеть подарочно.

— То есть как блядь, — уточнил Борода.

— Я так и думал, — угрюмо пробурчал Супруг. — А что значит женственная натура?

— Это от слова женщина, сиречь скво, — ответствовал Трикстер. — То бишь скволочная натура.

— Давил и буду давить! — свирепо провозгласил Супруг, поднимая стакан.

За это и выпили.

21

Две недели город задыхался от жары — и наконец дождался дождя. Ученики блаженно вдыхали озон и потягивали пиво на крытой веранде. Жизнь была прекрасна и удивительна.

До тех пор, пока бармен не включил магический кристалл. Новости, Белый Вигвам, крупные планы. Ученики опустили глаза, но было поздно — лучший вечер сезона был непоправимо испорчен. Пиво загорчило, а сухарики наждаком ободрали нёбо.

— Скажи мне, учитель, — вполголоса спросил Водила, — а ты принимал участие в создании человека?

— Ну а як же! — улыбнулся Трикстер. — И неоднократно.

— Я вот чего не пойму, — продолжал Водила, — если Креатор делал этих людей по

своему образу и подобию, он же должен быть настоящим уебищем.

— По образу и подобию в мир приходят дети, — ответил Трикстер, — а уже потом родители и учителя превращают их в срань господню.

— Но как такое возможно? — недоверчиво спросил Водила.

Трикстер пожал плечами.

— Сон разума рождает уебищ. В промышленных масштабах.

Так говорил Трикстер.

22

И затарились они, и решили возлечь прямо у магазина, чтобы потом далеко не бегать.

— А вот еще был случай в одном зеленогорском вигваме, — начал Трикстер, но Водила перебил его:

— Да сколько ж можно слушать твои байки! Другие учителя притчами изъясняются, а у тебя все приколы да смехуечки!

— Хотите притчу? — усмехнулся Трикстер. — Ну так слушайте.

Жил некогда в одной отдельно взятой стране индеец ГлавГей. И пресытили его услады тела, и возалкал он услад духа. И призвал он к себе представителей всех мировых религий, дабы узнать, как они относятся к геям, и выбрать свой духовный путь. И пришли к нему миссионеры, кипя и брызжа, ибо многое они желали высказать ГлавГею.

Когда же наступил час откровений, взошел на кафедру представитель РПЦ и грозно возвестил:

— После смерти все геи попадут в ад, где их будут нещадно жарить…

— Отлично! — возопил ГлавГей. — Всем спасибо, все свободны. Наш выбор сделан.

Вот с тех самых пор РПЦ и геи так неровно дышат друг к другу.

С минуту все молчали.

— Ну и в чем же тут смысл? — подозрительно спросил Водила.

— Что перебивающий учителя подобен пидору? — предположил Борода.

— Ну, почти, — улыбнулся Трикстер. — От перебивающего ускользает смысл сказанного.

Все снова умолкли. Водила почесал щетину на скуле и вопросительно взглянул на Трикстера:

— Так что там, говоришь, было в том зеленогорском вигваме?

23

И приступил к Трикстеру индеец Супруг, и горько сетовал:

— Сходил я намедни со своей скво к семейному психологу. Так эта грымза сказала, что нам нельзя ругаться так часто, что ежедневные ссоры разрушают семью. А как же мне со своей не ругаться? У меня тогда мозг взорвется. Выходит, капец семье?

— Не бери в голову, — успокоил Супруга Трикстер. — Тут надо помнить лишь одно правило: каждую ссору завершай сексом. И следи за балансом. Если ссор будет больше, чем секса, тебе уже ни один психолог не поможет.

— А если меньше? — с надеждой спросил Супруг.

— Пока есть силы — не слушай старых грымз, ругайся хоть по три раза на день! Семье это не угрожает.

— Так я побегу? — обрадовано вскочил Супруг. — Ух, как же я сейчас с ней поцапаюсь!

— Беги-беги, — напутствовал его Трикстер. И добавил, обращаясь к ученикам:

— Истинно говорю вам — не бойтесь ссор частых, но бойтесь ссор редких.

Так говорил Трикстер.

24

И возлегли они, и вкусили блаженство расслабления. Когда же до единения со всем сущим оставался лишь один вдох, приступил к ним индеец Адепт, громогласно вопия:

— Вот вы тут лежите, а там митинг! Честного человека, хорошего журналиста с работы выгнали! За правду! Вставайте быстрее, покажем врагам, что мы едины!

— Не мельтеши! — перебил его Трикстер и, указав на свободное место, добавил. — Возляг лучше с нами и послушай байку про древнейшие профессии. Была у меня когда-то знакомая, вип-проститутка. И случилось так, что на одном инет-портале появились ее фотографии, естественно ню. Причем не рабочие, но исключительно из личной жизни. А поскольку та проститутка была полноправной гражданкой федерации, затерзали ее сомнения — а не подать ли ей в суд на тот портал за вторжение в частную жизнь, смертельное оскорбление и моральный ущерб.

Трикстер умолк, достал из кармана трубку и неспешно занялся ею.

— И что, подала? — спросил Водила, не дождавшись продолжения.

— Зачем ей это? — ответил Борода. — Для нее же такие фотки — лучшая реклама. Она наверняка еще и отстегнула порталу. И еще пару сессий туда дослала.

Все посмотрели на Трикстера.

— Правильно, — подтвердил он. — Для проститутки это было лучшей рекламой. Поэтому она и подала в суд. Скандал был такой, что тех злосчастных фоток не видел только ленивый. Кстати, именно после этого она из простой шлюхи и превратилась в вип.

Трикстер снова умолк; мужики тоже глубокомысленно молчали.

— Так я не понял, — неуверенно спросил Адепт, — нам на митинг-то идти?

— Смотря чего вы хотите, — ответил Трикстер. — Если хотите обломать честного журналиста — идите и добейтесь его реабилитации.

Так говорил Трикстер.

25

И приступил к Трикстеру индеец Супруг, и вопрошал:

— Скажи мне, учитель, как отличить человека от боевого человекоподобного робота?

— Очень просто, — ответствовал Трикстер. — У человека в голове тараканы. А у робота — баги.

Так говорил Трикстер.

26

И приступил к Трикстеру индеец Старпер:

— Вот скажи мне, Трикстер — ты же старше меня раз в триста. Почему же тебя все называют Суперстар, а меня — Старпер?

Трикстер долго смеялся. Так долго, что Старпер и сам все понял.

27

Плавно текла трапеза, и так же плавно текла беседа. Когда же разлили по пятой, разговор о судьбах индейской интеллигенции традиционно перетек в разговор о природе скво.

— Нам их не понять! — обреченно начал Супруг. — Вот объясните мне — как может голова болеть каждый вечер? И главное — чему там болеть???

— Сквы — существа непостижимые, — глубокомысленно изрек Борода.

— Тоже мне, бином Ньютона, — усмехнулся Трикстер. — Формулу скволочной головы выдавливали еще на шумерских табличках. Чем меньше там чему болеть, тем чаще оно и болит.

Так говорил Трикстер.

28

И приступила к нему скво Мордокнижница, стеная и жалуясь на одиночество в социальной сети.

— Сегодня опять выложила фотки — и опять ноль внимания! Никто не плюсует, никто не лайкает. Меня просто никто не замечает. А фотки хорошие, няшные. Не понимаю — чего им еще надо? :(

— В том-то и беда, что няшные. А должны быть нюшные!

Так говорил Трикстер.

29

И приступил к ним Планктон, многообещающе позвякивая увесистым дипломатом:

— Поздравьте меня, мужики — я взял очередной кредит. Надо бы обмыть…

— Не гони коней, — осадил его Водила, — сейчас Трикстер подойдет, и начнем.

— Да что вы все носитесь со своим Трикстером, как с писаной торбой? — возмутился Планктон. — Кто он такой вообще? Обычный оттяжник, каких у каждой точки валом.

— Так оно и есть, — согласился Супруг, — оттяжник и раздолбай. Но только раньше я на службе с утра до ночи жилы рвал и по психологам бегал непрерывно — а семья разваливалась на глазах. И ничего не помогало. А сейчас бухаю с вами в полный рост — и все ништяк. Супруга с меня пылинки сдувает, сын мне в рот смотрит. И Водила перестал на людей бросаться, и Док чего-то там защитил. Нет, что-то в нем все-таки есть…

— Да что в нем такого может быть? — не унимался Планктон. — Простой же алкаш!

— Не простой, — возразил Борода, — и не алкаш. Он — часть той силы, что вечно ищет кайф и вечно совершает благо.

Так говорил Борода.

30

И приступил к ним индеец Супруг, матерясь и скрежеща зубами:

— Куда катится этот гребаный мир?! Уже и в школу детей страшно отпускать. Вчера сыну дали брошюрку, а в ней русским по белому написано, что гомосексуализм теперь считается нормой. Они там что, совсем ебанулись? Что у них в голове?

— Да они давно уже думают не тем, что в голове, — объяснил Док, наливая Супругу до краев.

— Но мозг-то у них должен быть? — неуверенно спросил Супруг. — Они же с детьми работают.

— На хрена им мозг? У них есть классификатор болезней. МКБ-10 — их библия, истина в последней инстанции.

Все посмотрели на Трикстера, но он только отмахнулся.

— В последней инстанции — это для дебилов. А для остальных — тестовая версия истины в десятой редакции. И, кстати, тестируется она сейчас именно на нас.

Так говорил Трикстер.

31

Разомлев от жары, мужики лениво потягивали пиво в тени террасы. Водила похлопал себя по карманам и легонько потянул Планктона за рукав:

— Слышь, закурить не найдется?

— Да я уж неделю как бросил, — отозвался Планктон, не поворачиваясь. — Вредно для здоровья. По зомбовизору сказали, что каждая сигарета сокращает жизнь на пять минут.

— Ага, а кружка пива — на десять, — в тон ему прогундел Водила, доставая очередную бутылку.

— А час на диване у зомбовизора — на двадцать, — подхватил Борода. — Так что курить тебе по-любому полезнее, чем слушать про вред курения.

— Что, действительно на двадцать? — недоверчиво переспросил Планктон, обернувшись к Трикстеру.

— И чему я вас только учу! — вздохнул Трикстер. — Это же элементарно. Час, проведенный у зомбовизора, отнимает у жизни ровно час.

— От-же-ж-бля! — восхищенно выругался Планктон. — Мужики, а закурить ни у кого не найдется?

32

Июльское солнце пробивалось сквозь закрытые веки багровой волной; сознание неуловимо соскальзывало в свет, где теряется грань между оттягом и медитацией. Тяпничный вечер располагал; да никто особо и не противился.

И хотел приступить к ним Столичный Хипстер, и не знал как. И топтался он пред ними неприкаянно, потея и разглядывая бисер на мокасинах.

— Да садись уже, не заслоняй солнце, — махнул рукой Трикстер.

Хипстер с сомнением оглядел свои зауженные белые джинсы.

— Чо, прямо на бордюр?!

— На поребрик, — поправил Борода, не открывая глаз.

— Да какая в жопу разница? — раздраженно огрызнулся Хипстер. — Камень он и в Африке камень.

Трикстер приподнял голову и посмотрел на него с сожалением.

— Суть не в материале, но в технологии. Бордюр ложат. А поребрик кладут.

Так говорил Трикстер.

33

И приступила к ним вечно недовольная скво Льготница, и кипел ее возмущенный разум. И поносила она мужиков, насколько хватало словарного запаса.

— Чо лыбитесь, козлы?! В стране кризис, на пенсию не прожить, все дорожает!

Промышленность разрушили, сельское хозяйство угробили, полимеры просрали! И сидят довольные! Веселятся! Чему радуетесь, злыдни?

— Питие на Руси — веселие есть! — снисходительно объяснил Борода. И, повернувшись к Трикстеру, уточнил:

— Правильно?

— Неправильно, — ответил тот. — Бытие на Руси — веселие есть. А питие его только усугубляет.

Так говорил Трикстер.

Часть вторая

разливая портвейн алкаш-златоуст
говорил корешам что вкус правды со́лон
у пессимиста стакан наполовину пуст
у оптимиста стакан наполовину полон

отвернулась девушка — ну и пусть!
пусть гордится гендером (или полом?)
у феминистки лифчик наполовину пуст
у оптимистки лифчик наполовину полон

полумесяц крест и огненный куст
обернутся джихадом — или танцполом
у атеиста грааль наполовину пуст
у теиста грааль наполовину полон

ибо разницы нет — тут главное выбирать
точки зренья — чтоб жизнь не казалась серою
поднимала стаканы паства и на ура
выпивала и выдыхала — верую!
…
лишь водила не понимал байду об этом стакане
он рули́т в ебеня — она летит на юга́
у неё на джинсах дыра — у него лишь дырка в кармане
у него жидок суп — у неё мелки жемчуга

34

И приступил к ним индеец Лемминг, и начал было втирать за величие и мудрость вождя, но был послан нах и с позором изгнан из круга.

Водила посмотрел ему вслед и спросил:

— Ну зачем вы так, мужики? В чём-то ведь он прав...

— Ерунда! — перебил его Супруг. — Он по определению не может быть прав. Потому что Лемминг.

— Не совсем так, — возразил Борода, — при определённых условиях прав может быть и Лемминг. Причём, чем меньше он разбирается в предмете, тем больше вероятность его правоты. В идеальном случае, когда он совсем ни бум-бум, эта вероятность может вырасти до пятидесяти процентов.

Водила посмотрел на Трикстера.

— А ты что скажешь? Может ли Лемминг не ошибаться?

— Может, почему бы и нет, — ответил Трикстер. — Это миллион леммингов не могут не ошибаться. И, кстати, вовсе не потому, что лемминги. Но потому, что миллион.

Так говорил Трикстер.

35

Тихим летним вечером возжелал Док расслабиться, но не рассчитал и реально высадился на умняк. И на этом умняке подступил к Трикстеру:

— Вот ты учишь нас, даёшь нам свою картину мира — а ведь она вовсе не истинна!

— Я не даю вам мою картину, — ответил Трикстер, — я учу вас создавать свою собственную. И, разумеется, все ваши картины будут насквозь субъективны, ибо истинной картины мира не существует. А потому все споры об истине я считаю пустейшим занятием.

— Как так — не существует истины? — заволновался Док, — Не может же такого быть, чтобы совсем ничего не было! Обоснуй!

— Ну существует, существует, — согласился Трикстер. — И на скрижалях этой истины начертано: если Док сейчас возляжет в тень каштана, созерцая плоды, то скоро его отпустит.

Так говорил Трикстер.

36

И приступил к ним Борода, грязно ругаясь и размахивая смятой бумажкой.

— Совсем ебанулись наши старейшины! Вот, повестку прислали! А главное — за что?! За безобиднейший петроглиф на Скале Свободы!

— Это точно, ебанулись! — согласился Водила. — Я тут намедни читал, на флоте праздник Нептуна запретили. Потому как неправильный бог, языческий. Этак они скоро и Деда Мороза запретят!

— Как Деда Мороза?! — вскинулся Супруг. — А что же я детям скажу?! Трикстер, что, правда Деда Мороза могут запретить?

— Не ссы, — успокоил Супруга Трикстер, — кто ж его запретит, это же главный торговый бренд новогодних праздников!

Потом грустно посмотрел на Бороду и добавил:

— А вот Фемиду, похоже, действительно уже грохнули и под шумок прикопали...

Так говорил Трикстер.

37

И приступил к ним Супруг, и вопрошал:

— Скажи, учитель — что нужно для семейного счастья?

Трикстер же отвечал:

— Да самая малость — немного терпения, немного решимости и капелька ума. Терпения — чтобы спасать достойный брак, решимости — чтоб разрубать мёртвые узы и ума — чтобы отличать одно от другого.

— Решимость-то у меня есть, — сказал Супруг, — и терпения навалом…

— А то ж, — согласился Трикстер, — в этом деле всем обычно не хватает только ума.

Так говорил Трикстер.

38

И приступил к ним Док, и вопрошал:

— Скажи мне, Трикстер, а что ты думаешь об окнах Овертона? Они существуют? И они действительно уже открываются?

Трикстер же отвечал:

— Существует страшилка о том, что они открываются. И нужна она именно для того, чтобы под её вой все окна аккуратно прикрыть.

Так говорил Трикстер.

39

И приступил к ним индеец Пастор, и проповедовал:

— Слушайте и вникайте! В одной утробе сидели два близнеца — верующий и атеист. И спросил верующий атеиста: «Есть ли жизнь после рождения?» — «Нет, конечно, — ответил атеист, — ведь назад оттуда ещё никто не возвращался».

Закончив рассказ, Пастор обвёл слушателей победным взглядом.

— Ну? Что вы можете на это возразить?

Трикстер лениво посмотрел на него и спросил:

— А часто ли твоё дерьмо возвращалось назад в твой зад?

— Ни разу, — смутился Пастор.

— Надо продолжать? — спросил Трикстер. — Или сам вкуришь?

Пастор жалко заёрзал лицом.

— Н-не надо.

— Вот и хорошо, — сказал Трикстер, — а теперь пшёл туда, куда не возвращаются.

Пастор хотел что-то возразить, но не смог и пристыженно засеменил прочь. Мужики молчали.

— Про дерьмо, по-моему, было лишнее, — неуверенно начал Борода, — надо было сразу послать.

— Можно было и сразу. Но я решил дать ему свободу выбора. Выбора направления.

Так говорил Трикстер.

40

И приступил к ним индеец Патриот, восторженный и румяный.

— Скажи мне, Трикстер, ты ведь не будешь отрицать, что у нас со свободой слова не хуже, чем в бэушных демократиях?

— Не буду, — ответил Трикстер.

— Так почему же тогда вы лежите здесь, а не маршируете с нами в одном строю?!

Трикстер рассмеялся.

— По одной простой причине. У нас такая лафа вовсе не потому, что мы обогнали всех на пути к свободе. Но ровно наоборот — потому что мы отстали от всех на пути всеобщего порабощения. И желать мы должны не ускорения гуманистического процесса, который мы возглавляем, но замедления антигуманистического процесса, который мы замыкаем.

И, помолчав немного, добавил:

— А ещё потому, что вы, идиоты, даже этого не понимаете.

Так говорил Трикстер.

41

И приступил к ним Водила, втыкая в новый смартфон и радостно лыбясь:

— Вот интересно, скоро ли машины научатся мыслить?

— Ты хотел сказать, скоро ли они смогут пройти тест Тьюринга? — поправил его Док.

— Нет, он правильно спросил, — возразил Трикстер, — это ты путаешь проблему самоосознания с сугубо прикладным тестом, который вообще не имеет отношения к вопросу. Тест Тьюринга, кстати, скоро сможет пройти любой утюг или чайник. А уж телефон — тем паче.

— Они что, так быстро усложняются? — недоверчиво спросил Водила.

— И это тоже. Но люди упрощаются ещё быстрее.

Так говорил Трикстер.

42

И приступила к ним Юзерка, стеная и кляня Сахарберга:

— Ненавижу этого баблососа! Он на всё готов ради денег! Родную скво продаст, выкупит и снова продаст — но уже дороже! Всю книгорожу засрал спамом! Стоит открыть ленту — и сразу натыкаюсь на рекламу презервативов! Вот нахуа мне это хуа?!

— Опять вчера нажралась? — спросил Трикстер.

— Ну выпила — а что? Имею право! — гордо ответила Юзерка.

— И написала бывшему?

— Ну написала! Я, когда выпью, всегда ему пишу, это уже традиция!

— А как ты его назвала?

— Гандоном штопаным. Так он и есть гандон штопаный! А при чём тут это? Ты мне лучше скажи, зачем Сахарберг засрал мне ленту рекламой презервативов?!

Но Трикстер лишь вздохнул и ничего ей не сказал.

43

И приступил к ним индеец Модератор, и вопрошал:

— В чём отличие сетевых патриотов от сетевых либералов?

— Тут всё просто. Сетевые патриоты рвут жопу за лайки, а сетевые либералы — за лузлы.

Так говорил Трикстер.

44

И приступил к ним Столичный Хипстер, и начал втирать про светлое будущее зелёной энергетики и мрачные перспективы нефтянки.

— Вы ничего не понимаете! — кричал он, размахивая пухлыми ручками. — Нефть — это уже прошлое!

А потом встал в позу, откинул голову и гордо провозгласил одну из своих сентенций:

— Каменный век закончился не потому, что закончились камни!

— И что, — спросил Трикстер, — с тех пор добыча камня сильно сократилась?

— Нет, — растерялся Хипстер.

— Значит, увеличилась? И на сколько порядков?

— На много, — промямлил Хипстер.

— Ну тогда нехай и нефтяной век кончается, нам не жалко.

Так говорил Трикстер.

45

И приступил к ним юный Мультикульт, и укорял:

— Почему вы всегда ругаете систему? Разве не видите, насколько терпимее к меньшинствам стало наше общество?

— К кому? — не понял Водила.

— К людям инаковым, — гордо пояснил Мультикульт.

— Не знаю таких, — сказал Водила.

— А ты, Трикстер, — не унимался Мультикульт, — ты разве не видишь тенденцию?

— Вижу, конечно. Вижу, насколько нетерпимее государство стало к нормальным людям.

Так говорил Трикстер.

46

Пиво в этот день было тёплым, и разговор ненавязчиво перешёл к несовершенству мира. Водила безыскусно обматерил правительство, Старпёр присовокупил к пидарасам сотрудников ЖКХ, Супруг прошёлся по гендеру.

— Куда ни плюнь! — подытожил Док. — Поскреби любого — и найдёшь там такую сволочь…

Мужики замолчали и посмотрели на Трикстера.

— Признайся, — спросил его Док, — наверняка ведь и у тебя в жизни были косяки?

— Были, конечно, — согласился Трикстер, — и немалые. Но только я давно их скурил.

Так говорил Трикстер.

47

И приступил к ним Выселенец со сто первого километра, и вопрошал:

— Господа, не окажете ли посильное вспомоществование продрогшему страннику, замерзающему в этом суровом мире?

Все молчали, ибо странно им было слышать такие речи. Наконец выступил вперёд Водила и вежливо спросил:

— Любезнейший, а вы часом не охуели?

— Отнюдь! — ответствовал Выселенец.

Тогда Трикстер налил ему стакан и сказал пристыженным ученикам:

— Можно выселить человека из культурной столицы, но культурную столицу из человека не выселишь.

Так говорил Трикстер.

48

И приступил к ним Столичный Хипстер — не по зову сердца, но по велению неизбежности. Ибо изгнан был уже отовсюду, и податься ему больше было некуда.

— Нет, ну до чего же поганый у нас народец! — завёл Хипстер свою обычную бодягу.

— А в бубен? — деловито осведомился Водила.

— Оставь ты его, — вмешался Док, — пусть себе гундосит, это же только слова. Сколько ни говори «халва», во рту сладко не станет — правда, Трикстер?

— От слова «халва» во рту действительно не станет сладко, — ответил Трикстер, — но ты попробуй сказать «лимон».

Так говорил Трикстер.

49

И приступил к ним Водила с большим фонарём под глазом.

— Где это тебя так? — спросил Док.

— Известно где, — вздохнул Водила. — Не еби, где живёшь, не живи, где ебёшь!

— Ага! — согласился Супруг. — А ещё — не еби, что ешь, и не ешь, что ебёшь.

— Бля! — с чувством выругался Пастух. — Вот нахуяж?!

— Не ссы! — успокоил его Трикстер. — Это он не про овечек. Это он про мозги.

Так говорил Трикстер.

50

И приступил к ним Борода, мрачный и подавленный. Закурил с третьей спички, глубоко затянулся, выдохнул и объявил:

— Корпоративы — зло!

— Кому как, — возразил Док и улыбнулся, видимо, вспомнив что-то приятное.

— Зло! — упрямо повторил Борода. — Стыд и скрежет зубовный!

Все вопросительно посмотрели на Трикстера.

— Корпоратив есть зло, и корпоратив есть добро; всё зависит от того, с кем оттуда уедешь.

Так говорил Трикстер.

51

И приступил к ним Столичный Хипстер, и погнал свою гнилую пургу:

— Сидите тут, пьёте! Весёлые! Довольные! Вокруг полная жопа, а вы этого даже не замечаете! Вот, например, — он махнул рукой в сторону мусорки, — кто-то догадался выкинуть ёлку. В марте! Не понимаю, как можно быть такими свиньями! Ваш вигвам — жопа, и ваша земля — жопа, и всё вокруг — одна сплошная жопа!!!

Мужики начали медленно подниматься, но в последний момент Хипстер успел получить от Водилы спасительный пендаль, придавший ему нужное направление и ускорение. Мужики неспешно вернулись на свои места. Супруг смущённо кашлянул.

— Но насчёт мусора он, наверное, всё же прав. Давно надо было вынести эту ёлку.

Все вопросительно посмотрели на Трикстера. Тот пожал плечами.

— Если индеец — говно, он всегда будет видеть вокруг себя только жопу и ничего кроме жопы. Ибо в нашем мире каждый хочет быть на своём месте.

Так говорил Трикстер.

52

Как-то под вечер пробегал мимо каштана индеец Молодожён. И подозвали они его, предлагая обмыть событие. Но отказался Молодожён, ибо спешил к супруге, пылая и предвкушая.

— Тогда хоть стопарик — на посошок! — предложил Борода.

— Нет, спасибо. Не люблю я водку, — признался Молодожён.

— Как это — не любишь водку?! — изумился Водила.

— Она у меня и так красивая, — пояснил Молодожён и, помахав им на прощание, скрылся в парадной.

Мужики молча переглянулись и молча выпили.

53

И приступил к ним Столичный Хипстер, и горько сетовал на свою хипстерскую судьбу — мол, все социальные лифты уничтожены, и творческому человеку надеяться здесь уже не на что.

— Лифты-то у нас есть, — ответил Трикстер, — но одни скрипят и притормаживают, другие застревают между этажами, а третьи держатся на соплях и в любой момент могут рухнуть вниз со всеми пассажирами.

Мужики молчали, вспоминая жизненные перипетии. И только Блюдолиз вдруг довольно захрюкал:

— Простецы! Вы просто не туда садитесь! Вот я вчера вступил в партию — и теперь мой лифт рванёт вверх ракетой! Присоединяйтесь, пока я добрый!

Он гордо взглянул на Трикстера, но тот лишь покачал головой.

— Да, этот лифт ездит шустро. Но там в кабине насрано. Так что давай уж как-нибудь без нас.

Так говорил Трикстер.

54

И заговорили они о высоком; но монолог Дока о хорошо темперированном клавире прервала дребезжащая попса с рингтоном «Тебе хана — звонит жена!»

— Пардон! — извинился Старпёр и ответил на вызов.

Мужики молча отвели глаза — из трубки рекой полился ор, вой и скрежет зубовный. Старпёр лишь преданно соглашался и поддакивал. А потом виновато посмотрел на всех:

— Ну, я пойду… Вы не думайте… Она у меня такая… С изюминкой. В каждой женщине ведь должна быть изюминка, правда?

— Разумеется, — ответил Трикстер, — а как же иначе. Изюминка. В каждой. Иди, конечно.

Он проводил Старпёра взглядом и, когда тот скрылся в парадной, повернулся к Молодожёну:

— В каждой женщине должна быть виноградинка. Иди-ка и ты домой.

Так говорил Трикстер.

55

И приступил к ним индеец Графоман, кляня жену, тёщу, коллег и страну.

— Никто меня не понимает! Они хотят, чтобы я приносил домой евры и баксы! Чтобы великий писатель земли индейской копал траншеи и укладывал шпалы! А всё почему? Потому что нет у нас такой профессии — писатель! Отсутствует в реестре! И всем пох! Что же будет с великой индейской литературой?!

Он посмотрел на мужиков глазами, полными слёз и великой скорби. Мужики молчали, и только Водила презрительно процедил:

— Шёл бы ты… на завод!

— Художника может обидеть каждый! — прорыдал Графоман и убежал в ночь, заламывая руки.

Старпёр задумчиво почесал щетину на подбородке.

— А может, и правда стоит внести в реестр такую профессию? Если есть Литинститут — он ведь должен выпускать профессионалов, разве нет?

Все посмотрели на Трикстера.

— Профессию, конечно, внести стоит. Только назвать её надо не «писатель», а «писец». Дабы отражала одновременно и род занятий, и состояние, к коему оное приводит.

Так говорил Трикстер.

56

И приступил к ним индеец Ходок, и начал щедро делиться своим сомнительным опытом. К счастью, бурный словесный поток вскоре уткнулся в лингвистическую проблему.

— Вот бывшие — они и есть бывшие. А мою настоящую как правильно назвать — нынешняя или теперешняя?

Трикстер лениво приоткрыл правый глаз.

— Твою — текущая.

Так говорил Трикстер.

57

И приступил к ним Столичный Хипстер, брызжа слюной и вереща:

— Да что вы можете знать, провинциальные нищеброды! Если вы такие культурные, то где ваши деньги?! Где?! А вот наш мэр — голова! По три раза в год бордюры меняет!

— Сколько бордюр ни меняй, он поребриком не станет, — сказал Трикстер.

— Почему? — не понял Хипстер.

— Как бы тебе попроще объяснить... Вот у вас есть трехрублёвый вид?

— Ну есть.

— А у нас — небесная линия. Почувствуй разницу.

Так говорил Трикстер.

58

И приступил к ним индеец Графоман, и стал грузить их чтением своих лирических миниатюр. Когда же фонтан иссяк, он гордо оглядел мужиков и спросил:

— Ну как? Похоже на Лонгфелло?

— Похоже на объявление в Алиэкспрессе, пропущенное через Т9, — ответил Трикстер. — Только там получается смешно, а у тебя — нет.

Так говорил Трикстер.

59

И приступил к ним Столичный Хипстер, и возвестил, раздуваясь от гордости:

— Я сформулировал первый закон сети: «Всё, что вы напишете в инете, может быть использовано против вас».

Он поклонился, ожидая аплодисментов, но мужики угрюмо молчали. Док покачал головой:

— Это позавчерашний день. Но с тех пор многое изменилось. Я бы сказал так: «Всё, что вы напишете в инете, обязательно будет использовано против вас».

Все посмотрели на Трикстера.

— А это вчерашний день, — сказал тот. — Правильнее так: «Всё, что вы читаете и смотрите в инете, уже давно используется против вас».

Так говорил Трикстер.

60

И приступил к ним юный Мультикульт, и укорял:

— Вы хоть понимаете, на чьём горбу жируете? Сколько привилегий вы подло присвоили, ограбив уважаемые меньшинства? Вас, белых цисгендерных мужчин, давно пора глобально урезать! То есть урезонить, конечно.

— Оговорочка-то по Фройду! — хмыкнул Док и посмотрел на Трикстера.

Тот отрицательно покачал головой

— Отнюдь. Это оговорочка у него по Флойду.

Так говорил Трикстер.

61

И приступил к ним индеец Интеллигент, и начал, мямля и заикаясь:

— Тут такое дело, Трикстер... У меня... В общем, есть у меня один друг. И ему надо... В общем, ему нужен один ништяк. Очень нужен, вот прямо очень-очень. Но чтоб его получить, он должен сделать... Это не то чтоб некрасиво, это, скажем так... неоднозначно... Вот что бы ты ему посоветовал?

Трикстер налил полный стакан, передал его Интеллигенту и только потом ответил:

— Есть золотое правило — нельзя выиграть одновременно и в стратегии, и в тактике. Если ты выиграешь сегодня в тактике, то в будущем непременно проиграешь в стратегии. А если ты надеешься в будущем выиграть в стратегии, сегодня тебе придется проиграть в тактике.

Интеллигент залпом выпил стакан и надолго замолчал.

— Но ведь это правило позволяет проиграть одновременно и в стратегии, и в тактике? — уточнил Борода.

— Позволяет, конечно, — ответил Трикстер. - А иначе разве стала бы наша интеллигенция так долго колебаться?

Так говорил Трикстер.

62

И приступили мужики к Трикстеру, и вопрошали:

— Определись уже наконец — ты за вату или за цивилизацию?

Трикстер долго смеялся. Потом ответил:

— Я медиатор. А вы разве не знали?

— Медиатор — это как? — спросил Док. — Это тот, который примиряет? Кого с одинаковым вниманием слушают обе стороны?

— С точностью до наоборот, — ответил Трикстер. — Сегодня медиатор — это тот, кого с одинаковой злобой ругают обе стороны.

Так говорил Трикстер.

63

И приступил к ним индеец ИзБывших, горестно стеная:

— Такую страну просрали! Ведь всё здесь было — и медицина, и образование, и космос, и

квартиры! А главное — всё бесплатно! Вот кому это мешало?! А теперь?! Развели бардак, превратили страну в дурдом! Неужели не жалко?

— Тут всегда был дурдом, — ответил Трикстер, — только раньше вы были здесь санитарами, а теперь стали пациентами.

Так говорил Трикстер.

64

И приступила к ним хайпстерская школота, чеканя шаг и громко скандируя: «Мы здесь власть! Мы здесь власть!»

— Схуяли? — вежливо осведомился Док.

— Потому что мы — сила! — бойко ответил самый румяный хайпстер. — Как мы скажем — так и будет! А кто против — тех на вилы! Так?!

— Так!!! — хором ответила школота и дружно промаршировала в светлую даль.

Мужики переглянулись.

— У них что, действительно есть вилы? — спросил Водила.

— Нет, — ответил Трикстер, — у них есть только грабли. Причём всегда одни и те же.

Так говорил Трикстер.

65

И приступил к Трикстеру Сисадмин, и горько сетовал на злую судьбу:

— Надоело всё до чёртиков, хочу сменить работу. Задолбался уже ежедневно слышать одно и то же: «Я что-то сделала, и всё вдруг пропало». А чаще: «Я ничего не делала, оно само вдруг сломалось».

— И кем же ты хочешь стать? — спросил Трикстер.

— Не знаю ещё, пока не определился. Может, семейным психологом? Как думаешь — у меня получится?

Трикстер пожал плечами.

— Попробуй. Но боюсь, тебе каждый день придётся выслушивать то же самое.

Так говорил Трикстер.

66

И отступил от них индеец Апологет, гневно восклицая:

— Да пошёл ты нахер со своими путаными поучениями! Молчал бы, коль не можешь просто сказать: «Делай то, не делай это!» Варись и дальше в своей тухлой мудрости, а я пойду искать себе правильного учителя!

— Ступай и не оглядывайся, — коротко напутствовал его Трикстер.

Ученики заволновались.

— А мудро ли ты поступил, учитель? — осторожно спросил Борода. — Ведь сейчас ты потерял ученика и приобрёл врага.

— Любой враг лучше такого ученика, — ответил Трикстер. — Достойно ли водить за собой стадо баранов? И не лучше ли разбрасывать мысли, дабы их находили лишь нуждающиеся?

Ибо истинно говорю вам: мудрый сеет, а суетный пасёт.

Так говорил Трикстер.

Часть третья

67

И приступил к ним румяный Юсафил, и громогласно скандировал:

— Весь мир! Насилья! Мы! Разрушим! До основанья! А затем! Мы наш! Мы новый мир построим! В котором мы и будем всем!

— А если не будете? — спросил Борода. — А если не впишитесь в рынок, тогда как?

— Мы-то обязательно впишемся! — гордо ответил Юсафил. — Ведь мы ум, честь и лучшие гены эпохи! А кто не впишется - сам виноват! Нельзя сделать яичницу, не разбив яиц!

— Не разбив яиц... — задумчиво повторил Борода.

Затем повернулся к мужикам:

— Ну, что думаете?

— Какие-то они все одинаковые, — ответил Док, — как будто их на одном конвейере клепали. И одни и те же лозунги в башку вставляли. Думаю, и говорить не стоит, ничего они не поймут. Ведь так?

Все посмотрели на Трикстера.

— Не поймут, — согласил тот. — Пока не почувствуют, что в их любимой пословице речь идет об их собственных яйцах.

Так говорил Трикстер.

68

И приступил к ним Столичный Хипстер, пыхтя от гордости:

— Я сочинил гениальный афоризм, слушайте: Трахай тех, кого любишь, иначе придется полюбить тех, кого трахаешь. В прямом и переносном смысле.

Мужики молчали. Старпёр негромко кашлянул, привлекая внимание:

— Он мудак, конечно; но в этот раз, похоже, всё правильно сказал.

Все посмотрели на Трикстера.

— Нет, — ответил тот, — отнюдь. Это же Хипстер. Ему придется полюбить тех, кто будет его трахать. В прямом и переносном смысле.

Так говорил Трикстер.

69

И приступил к ним Док с увесистым пакетом. Мужики приободрились — пакет многообещающе позвякивал.

— Привет! — поздоровался Док. — А как у нас сегодня с закусью?

Мужики загрустили.

— Закуска — зло! — ответил за всех Водила. — Она градус крадёт.

— Ну, не скажи! — возразил Док. — Вчера под оливье очень даже недурно зашло. А ещё там крабовый был и холодец. Хорошо же! Вот ты, Трикстер, ответь — как ты относишься к холодцу?

— Хрен я на него клал! — ответил Трикстер, — Доставай уже, не тяни!

Так говорил Трикстер.

70

И приступил к ним Супруг, пыхтя и отдуваясь.

— Эк тебя разнесло! — присвистнул Водила.

— Это всё жена, — стал оправдываться Супруг, — слишком вкусно она готовит. Приходишь с работы — а на столе и борщ, и жаркое, и салатик, и бутеры разные. А потом телевизор и чай с вкусняшками...

— Няшками! — передразнил Док. — А меньше жрать не пробовал?

— Меньше жрать, меньше жрать! — обиженно протянул Супруг. — Все так говорят. А я-то надеялся, что хоть вы мне что-то реальное посоветуете. Какой-то надёжный метод.

Все посмотрели на Трикстера.

— Есть для тебя надёжный метод, — ответил тот. — Скажи, ты зубы перед сном чистишь?

— Конечно.

— Вот. В этом твоя главная ошибка. Зубы надо чистить не перед сном, а после ужина.

— Понятно! — просиял Супруг.

— А если у кого-то «после ужина» и есть «перед сном»? — спросил Старпёр.

— Тогда ему уже ничем не помочь.

Так говорил Трикстер.

71

И приступил к ним Конформист, держа дистанцию и брызжа санитайзером.

— Почему без масок?

— Через маску пить неудобно, — пояснил Док, — вкус не тот.

— А потерпеть не можете?! — повысил голос Конформист. — «Маску снял — старушку убил», наука доказала. Вы что, в науку не верите?

— Верить? В науку? — удивился Трикстер. — Это же оксюморон.

— Чево? — не понял Конформист.

— Попытка впихнуть невпихуемое.

— Почему?

— Потому что наука — это сомнения и проверки, а вера сомнений не допускает. Наука исключает веру, а вера исключает науку.

Конформист на минуту завис, потом в его голове что-то перещёлкнуло и нашёлся нужный ответ:

— Всё понятно, вы верите в плоскую Землю!

Он натянул маску повыше и поспешил прочь, бормоча себе под нос:

— Подумаешь, невпихуемое. Партия сказала — Конформист ответил «есть!» Впихнём и невпихуемое.

Водила посмотрел ему вслед и спросил:

— Впихнёт?

Трикстер кивнул.

— Куда он денется. Ему же впихнули. Причём, со всей дури.

Так говорил Трикстер.

_____

продолжение следует.

или не следует